

© 2012 г. Д.С. ГАНЕНКОВ

ИНФИНИТИВ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ И ТИПОЛОГИЯ КОНТРОЛЯ*

В статье рассматриваются особенности употребления инфинитивной конструкции при глаголе 'хотеть' и некоторых других матричных предикатах в хуцуцком говоре даргинского языка (нахско-дагестанская семья), представляющей значительный типологический и теоретический интерес. Необычность описываемой конструкции состоит в том, что, с одной стороны, она проявляет свойства обязательного синтаксического контроля референции субъекта зависимой клаузы, а с другой стороны – допускает неполное совпадение субъектов главной и зависимой клаузы, причем и субъект матричного предиката, и субъект зависимого предиката могут быть выражены одновременно. Такое сочетание синтаксических характеристик оказывается типологически весьма редким и теоретически неожиданным. В статье обсуждаются различные подходы к анализу обязательного контроля и делается вывод, что ни одно из представленных в настоящее время теоретических направлений не способно удовлетворительным образом объяснить синтаксис инфинитивных дополнений в хуцуцком диалекте.

Грамматическое поведение конструкций с обязательным контролем подлежащего инфинитивной (или какой-либо другой нефинитной) клаузы – одна из наиболее бурно обсуждаемых проблем современной синтаксической теории. Важность подобного рода конструкций обусловлена тем, что в них оказывается задействованным целый ряд грамматических явлений, взаимодействие которых должно быть адекватно описано и объяснено в рамках любой синтаксической теории. Всплеск интереса к конструкциям с обязательным контролем субъекта инфинитивной клаузы связан с тем, что в последнее десятилетие в этой области были обнаружены новые факты, которые не могли быть объяснены в рамках существовавших ранее подходов и, следовательно, потребовали либо модификации имеющихся теорий, либо развития новых идей о грамматических (синтаксических или семантических) механизмах, обеспечивающих обязательный контроль референции субъекта зависимого предиката. Так, например, обнаружение так называемого «обратного контроля» сначала в цезском языке (нахско-дагестанская семья), а затем и во многих других языках, включая хорошо известные языки Европы, дало эмпирические основания для отхода от господствовавшей значительное время в магистральных направлениях формальной лингвистики концепции нулевого местоимения PRO. Необходимость объяснить существование обратного контроля, при котором невыраженным остается не субъект зависимого глагола, а субъект матричного предиката, стала причиной пересмотра постулируемых свойств нулевого местоимения PRO в одних версиях современной генеративной лингвистики или вообще устранения этого конструкта из синтаксической теории в других направлениях формального синтаксиса.

В настоящей статье мы сосредоточимся в основном на одной из разновидностей обязательного контроля референции субъекта в инфинитивных клаузах, которая получила наименование «частичный контроль» (partial control). Предметом нашего исследования является инфинитивная конструкция при глаголе 'хотеть' и некоторых других предикатах с пропозициональным актантом, засвидетельствованная в хуцуцком говоре

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 10-04-00228а и МК-291.2012.6.

даргинского языка (далее сокращенно хуцуцкий язык)¹, ср. следующее предложение, иллюстрирующее описываемую конструкцию:

- (1) *dam_i b-ik:-ul-da nus:a-gina_{i+} d-uq^ʔ-ij.*
я:DAT хотеть-PRS-1SG мы-только 1/2PL-уходить:IPF-INF
'Я хочу, чтобы только мы пошли'.

В данном примере субъект глагола *bik:ij* 'хотеть' и субъект глагола *uq^ʔij* 'уходить' выражены разными именными группами. При этом падеж каждой именной группы в этом предложении однозначно указывает на ее вхождение в главную либо в зависимую клаузу: местоимение 1 лица единственного числа, выступающее в роли субъекта матричного глагола, оформляется дательным падежом (что является характерной чертой языков нахско-дагестанской семьи), тогда как зависимый непереходный глагол *uq^ʔij* 'уходить' требует немаркированной абсолютной формы субъектного местоимения 1 лица множественного числа.

Необычность этой конструкции состоит в следующем. С одной стороны, как будет показано ниже, инфинитивные конструкции в хуцуцком и, шире, других даргинских языках являются равносубъектными, то есть инфинитивное оформление зависимого глагола предполагает обязательную кореферентность субъекта матричного глагола и субъекта инфинитивной клаузы. С другой стороны, как демонстрирует пример (1), инфинитивная клауза не накладывает требование полного совпадения референтов матричного и инфинитивного субъектов, требуя лишь того, чтобы референт матричного глагола входил в множество референтов, задаваемое субъектом инфинитивной клаузы. Таким образом, пример (1) в хуцуцком языке может быть квалифицирован как конструкция с частичным контролем субъекта зависимой клаузы. Однако, в отличие от стандартных примеров частичного контроля, обычно обсуждаемых в литературе, в хуцуцком языке речь идет не только о семантической интерпретации (невыраженного) субъекта зависимой клаузы, но и о его поверхностном выражении. С дескриптивной точки зрения этот факт является вполне тривиальным, поскольку предложения, аналогичные примеру (1), носителями языка оцениваются не только как полностью грамматичные, но и вполне естественные и употребимые в разговорной речи. Однако этот заурядный с точки зрения хуцуцкой грамматики факт входит в противоречие с имеющимися в современной синтаксической теории представлениями об устройстве конструкций с контролем субъекта зависимой клаузы. Целью данной статьи является, во-первых, документация и описание конструкции с частичным контролем в хуцуцком языке, и, во-вторых, попытка соотнести хуцуцкие данные с имеющимися в синтаксической литературе вариантами анализа подобных конструкций. Мы постараемся показать, что поведение субъектов инфинитивных клауз в хуцуцком и ряде других даргинских диалектов не укладывается в пространство теоретических возможностей, предсказываемое существующими в настоящее время теориями, а, следовательно, требует выработки иных подходов к описанию и объяснению этого явления.

1. ПОНЯТИЕ ЧАСТИЧНОГО КОНТРОЛЯ

Последнее десятилетие в синтаксической теории ассоциируется не в последнюю очередь с интенсивным исследованием проблематики, связанной с контролем референции субъекта зависимых нефинитных клауз. В результате привычное представление о

¹ Традиционно речь жителей сел. Хуцуц (Дахадаевский район Республики Дагестан) относится к амухскому диалекту даргинского языка (см., например, [Коряков 2006]). В настоящей статье, однако, мы называем этот говор хуцуцким языком как для краткости, так и принимая во внимание его значительные отличия от других диалектов и говоров даргинского языка. Носители хуцуцкого языка проживают в основном в сел. Хуцуц, большое число его жителей переселилось в Махачкалу и Каспийск, общее количество носителей языка не превышает 1 500 чел. Выражаю свою глубочайшую благодарность Гасану, Гурият, Расулу и Халил-Ибрагиму Расуловым и Райсат Каримовой.

том, что степень межъязыкового варьирования в этой сфере не очень велика, сохранявшееся вплоть до начала XXI в.², подверглось пересмотру. Традиционно считалось, что обязательный контроль в целом ограничивается синтаксическими конструкциями, в которых матричный предикат накладывает требование обязательной кореферентности субъекта зависимого предиката с одним из своих аргументов (субъектом, прямым или косвенным объектом). При этом фонетически выраженным является только субъект матричного предиката, а субъект зависимого предиката остается невыраженным, как в примере *Папа хочет [Ø купить новую машину]*.

Как показывает этот пример, в русском языке инфинитивное дополнение при глаголе *хотеть* подразумевает обязательное совпадение субъекта глагола *хотеть* (*папа*) с субъектом зависимого глагола (*купить*), однако последний при этом остается никак не выраженным фонетически. Отдельная проблема при этом состоит в необходимости показать, что субъект зависимого предиката действительно присутствует в синтаксической структуре предложения. Как было показано в работах [Wurmbrand 2001; 2004], в языках мира нередко встречается использование в качестве сентенциального дополнения простой глагольной группы, не включающей субъект (так называемое «реструктурирование»). Соответственно, перед синтаксической теорией стояла задача объяснения того, почему существуют наблюдаемые структуры и отсутствуют ненаблюдаемые. Можно выделить три центральных эмпирических наблюдения, необходимость объяснить которые стоит перед любой теорией в настоящее время.

Наиболее существенный прорыв в исследовании синтаксического контроля произошёл после публикации статьи [Polinsky, Potsdam 2002] (ранее обратный контроль обсуждался также в [Farrell 1995]). В этой статье было показано, что, помимо привычных конструкций, в языках мира обнаруживаются и другие, ранее не известные, модели контроля. В частности, в цезском языке (нахско-дагестанская семья) был обнаружен обратный контроль, то есть такая конструкция, которая требует обязательного референциального совпадения аргумента матричного предиката с субъектом зависимой клаузы, но при этом поверхностно не выраженным является субъект матричного глагола, ср. следующий пример из цезского языка [Polinsky, Potsdam 2002: 247]:

- (2) [kid-bā ziya b-išr-a] y-oq-si.
 девочка-ERG корова N-кормить-INF F-начинать-PAST.EVID
 ‘Девочка начала кормить корову’.

Как видно, в этом предложении субъект ситуации ‘девочка’ грамматически является субъектом зависимого глагола ‘кормить’, на что указывает падеж существительного *kid* ‘девочка’ (глагол ‘начинать’ в цезском языке не имеет переходных употреблений). С другой стороны, согласование матричного глагола ‘начинать’ по женскому именному классу указывает на наличие в предложении невыраженного абсолютного аргумента, поскольку в цезском языке только абсолютные аргументы контролируют согласование глагола по именному классу. Эти и ряд других фактов цезского синтаксиса позволяют сделать вывод о возможности обратного контроля (традиционная конструкция при этом получила название «прямой контроль») и ставят вопрос о теоретическом осмыслении подобных конструкций.

Вторым традиционным представлением, подвергшимся ревизии в последние годы, стало убеждение о том, что в конструкциях с прямым контролем субъект зависимой инфинитивной клаузы представляет собой нулевое местоимение и не может быть выражен ни при каких условиях. Тем не менее, как показано в недавних работах [Szabolcsi 2005; 2009], такая возможность также обнаруживается в языках мира, в том числе и в хорошо известных языках Европы, ср. пример из итальянского языка [Szabolcsi 2009]:

² Показательным в этом отношении является следующее высказывание: «По литературе у нас складывается ощущение, что типологически контроль ведет себя более или менее одинаково» [Culicover, Jackendoff 2005: 417].

- (3) Anche io odicrei [andare solo io a Milano].
'Мне тоже было бы невыносимо ехать в Милан одному'.

Как видно, при наличии необходимого контрастивного контекста в инфинитивной конструкции при глаголе *odiare* субъект может быть выражен дважды: первый раз при самом матричном глаголе, а второй раз – при инфинитивном дополнении. Тем самым отсутствие выраженного субъекта инфинитивной клаузы оказывается лишь наиболее частотным, но не единственным вариантом конструкции.

Наконец, третьим фактом, играющим важную роль в оценке эмпирической адекватности той или иной синтаксической теории, является возможность неполного совпадения референции субъекта матричного предиката и субъекта зависимого предиката, или «частичный контроль». Будучи отмеченным еще в работе [Williams 1980], это явление долгое время оставалось вне поля зрения синтаксистов. Впервые серьезное внимание частичному контролю было уделено в диссертации [Landau 1999], а затем в последующих работах того же автора [Landau 2000; 2003; 2004; 2006; 2007; 2008; 2010]. Ср. пример частичного контроля в английском языке [Landau 1999: 39]:

- (4) John_i wanted [PRO_i to meet at 6].
'Джон хочет встретиться в 6 часов'.

Очевидно, что предложение (4) предполагает, что участником ситуации 'встретиться' в зависимой клаузе является не только субъект глагола *want* 'хотеть', но и какие-то другие участники. Такое расхождение между главной и зависимой клаузами возможно далеко не для всех предикатов английского языка, ср.:

- (5) *John_i managed [PRO_i to meet at 6].
'Джон смог встретиться в 6 часов'.

Обратимся теперь к существующим в настоящее время подходам к синтаксическому анализу конструкций с обязательным контролем³. Два наиболее распространенных и конкурирующих друг с другом теоретических подхода отражают идеологию Минималистской программы Н. Хомского [Chomsky 1995]: с одной стороны, теория, анализирующая контроль как частный случай операции передвижения, а, с другой стороны, теория, рассматривающая контроль как последовательность абстрактных операций согласования.

Анализ синтаксического контроля как частного случая операции передвижения впервые был выдвинут в работе [Hornstein 1999] (дальнейшее развитие он получил в [Hornstein 2001; 2003; Voeckx, Hornstein 2006; Hornstein, Polinsky 2010]), где было предложено считать, что инфинитивные конструкции возникают как результат копирования субъекта зависимой клаузы именной группы в позицию субъекта матричного предиката в процессе синтаксической деривации, ср. [Hornstein 1999: 79]:

- (6) a. John hopes to leave.
b. [IP John [VP John [hopes [IP John to [VP John leave]]]]]

Фонетическая невыраженность субъекта зависимой клаузы рассматривается при этом как результат стирания исходной (и промежуточных) копий:

- (7) [IP John [VP ~~John~~ [hopes [IP ~~John~~ to [VP ~~John~~ leave]]]]]

³ Здесь мы не останавливаемся на классическом анализе в рамках теории Принципов и Параметров, использующем нулевое местоимение PRO в неуправляемой позиции, поскольку в настоящее время этот анализ можно считать в целом отвергнутым как в силу внутренних теоретических соображений, так и благодаря новым эмпирическим данным (обратный контроль и некоторые другие).

Помимо внутритеоретических соображений, мощную поддержку данному подходу к анализу синтаксического контроля оказала статья [Polinsky, Potsdam 2002], где предлагалось рассматривать обратный контроль как результат стирания всех копий именной группы, кроме исходной, ср. схематическое изображение деривации обратного контроля на примере того же английского предложения:

(8) [IP ~~John~~ [VP ~~John~~ [hopes [IP ~~John~~ to [VP John leave]]]]]

Естественное объяснение в рамках этого подхода получают и итальянские конструкции типа (3): наличие субъектов обеих клауз возникает за счет того, что ни одна из копий именной группы – ни исходная, ни конечная – не стирается (copy control, об этом явлении см. подробнее [Polinsky, Potsdam 2006]).

Анализ контроля как результата абстрактной операции согласования (в смысле [Chomsky 2000]) был предложен в работе [Landau 1999] и затем развит в [Landau 2000; 2001; 2003; 2004; 2006; 2007; 2008; 2010]. Отвлекаясь от технических деталей, играющих важную роль в данном анализе, можно сказать, что обязательный контроль возникает как результат переноса референциальных признаков от субъекта матричного предиката к нулевому субъекту зависимого предиката через посредство функциональной вершины T^0 или ν^0 матричной клаузы и вершин I^0 и C^0 инфинитивной клаузы.

В научной литературе последнего десятилетия не существует единого мнения о том, какой из предлагавшихся анализов лучше объясняет наблюдаемые в области обязательного контроля эмпирические факты. К достоинствам анализа контроля как передвижения, помимо концептуальной привлекательности идеи, относится ее адекватность в отношении межъязыкового варьирования: по крайней мере, она не запрещает засвидетельствованные в языках мира варианты конструкций с контролем. Теория контроля как согласования в этом отношении, напротив, оказывается менее гибкой и не способна объяснить конструкции с обратным контролем. С другой стороны, одним из основных аргументов, выдвигаемых противниками теории контроля как передвижения, является ее неспособность естественным образом объяснить деривацию конструкций с частичным контролем, тогда теория контроля как согласования располагает синтаксическими механизмами порождения подобных конструкций.

Помимо доминирующих подходов к анализу обязательного контроля, описанных выше, альтернативные подходы были развиты в рамках недеривационных теорий **Лексико-функциональной грамматики (ЛФГ)** и **Вершинной грамматики составляющих**. На уровне структуры составляющих в рамках обеих теорий субъект зависимой клаузы отсутствует, поскольку зависимая клауза представляется как глагольная группа, не включающая субъект. Собственно отношение контроля в рамках Лексико-функциональной грамматики возникает через установление идентичности аргументов главной и зависимой клауз на уровне функциональной структуры [Bresnan 1982; Dalrymple 2001]. В Вершинной грамматике составляющих контроль возникает как результат присваивания аргументам матричного и зависимого предиката одного и того же индекса в семантическом содержании предложения [Sag, Pollard 1991]. При этом коиндексация аргументов в рамках этой теории подразумевает совпадение стандартных согласовательных признаков: лица, числа и рода. В своем изначальном виде обе недеривационные теории не предусматривают всех засвидетельствованных в языках мира возможностей, в частности возможности обратного контроля, ср., однако, попытку [Sells 2006] модернизировать формальный аппарат ЛФГ для описания обратного контроля.

Таким образом, «на рынке» представлено несколько различных подходов к анализу обязательного синтаксического контроля, более или менее успешно справляющихся с объяснением эмпирически наблюдаемых языковых фактов. При этом, с одной стороны, все они нуждаются в разного рода дополнительных гипотезах и построениях для того, чтобы объяснить варьирование в этой области во всей полноте; с другой же стороны, имеющиеся данные не позволяют окончательно отвергнуть какой-либо подход или предпочесть один анализ другим.

2. ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ХУДУЦКОМ ЯЗЫКЕ

В хуцуцком языке засвидетельствованы все три модели синтаксического контроля: субъект может быть выражен либо только в главной клаузе (9), либо только в зависимой клаузе (10)⁴, либо же в обеих клаузах одновременно (11)⁵.

- (9) dam r-uq^ʔ-ij b-ik:-ul-da.
я:DAT F-УХОДИТЬ-INF N-ХОТЕТЬ-PRS-1
'Я хочу уехать'.
- (10) du r-uq^ʔ-ij=ra b-ik:-ul-da.
я F-УХОДИТЬ-INF=ADD N-ХОТЕТЬ-PRS-1
'Я хочу и уехать'.
- (11) dam b-ik:-ul-da du-gina r-uq^ʔ-ij.
я:DAT N-ХОТЕТЬ-PRS-1 я-только F-УХОДИТЬ-INF
'Я хочу сама / одна пойти'.

Наиболее распространенной в хуцуцком языке является конструкция с контролем референции субъекта зависимой клаузы (прямой контроль). Конструкции же с обратным контролем используются значительно реже и во многих случаях признаются неграмматичными. Ниже мы ограничимся описанием свойств конструкций с двумя выраженными субъектами, оставив конструкции прямого и обратного контроля за рамками обсуждения.

Следует отметить, что глагольная вершина зависимой клаузы в конструкциях с контролем в хуцуцком языке, помимо инфинитива, может оформляться также конъюнктивом, причем в первом лице эти формы совпадают (либо же отсутствует форма конъюнктива 1 лица), ср.:

- (12) dam r-uq^ʔ-ij b-ik:-ul-da.
я:DAT F-УХОДИТЬ-INF N-ХОТЕТЬ-PRS-1
'Я хочу уехать'.
- (13) ʔat r-uq^ʔ-at:aj || r-uq^ʔ-ij b-ik:-ul-di-w?
ты:DAT F-УХОДИТЬ-SUBJ:2 F-УХОДИТЬ-INF N-ХОТЕТЬ-PRS-2SG
'Ты хочешь уехать?'
- (14) murad-li-j uq^ʔ-ana:j || uq^ʔ-ij b-ik:-ul ca-b.
Мурад-OBL-DAT (М)УХОДИТЬ-SUBJ:3 (М)УХОДИТЬ-INF N-ХОТЕТЬ-PRS COP-N
'Мурад хочет уехать'.

Далее мы используем только материал инфинитивных, но не конъюнктивных клауз, поскольку последние допускают разносубъектное употребление; нас же здесь интересуют только конструкции обязательного контроля:

⁴ Впервые существование обратного контроля в диалектах даргинского языка было установлено в работах [Сердобольская 2009; Serdobolskaya 2010] на материале диалекта сел. Кунки.

⁵ Здесь и далее основным синтаксическим признаком, показывающим нахождение аргумента в той или иной клаузе, является морфологический падеж: глагол 'хотеть' требует дативного оформления субъекта (подробнее о маркировании экспериментальных аргументов в дагестанских языках см. [Comrie, van den Berg 2006; Ganenkov 2006]), тогда как субъект зависимой клаузы является абсолютным (при непереходном глаголе), эргативным (при переходном глаголе) или же дативным (при экспериментальном глаголе).

- (15) dam b-ik:-ul-da rasul-gina uq'ʕ-anaʃ.
 я:DAT N-хотеть-PRS-I Расул-только (м)уходить-SUBJ:3
 'Я хочу, чтобы Расул один пошел'⁶.

Рассмотрим теперь подробнее свойства конструкции с одновременно выраженными субъектами главной и зависимой клаузы. Семантика этой конструкции вполне отчетлива и может быть описана следующим образом:

- (16) Из множества потенциальных субъектов действия, обозначаемого инфинитивом, его выполнит именно субъект желания ('сам', 'именно').

Иными словами, одновременное присутствие субъектов и в главной, и в инфинитивной клаузе указывает на то, что субъект желания хочет выполнить указанное действие самостоятельно. При этом обязательным является контрастивное маркирование субъекта инфинитива либо при помощи фокусных частиц *-gina* и *-lel* 'только', как в примере (11) выше, либо же при помощи сильного контрастивного акцента:

- (17) dam b-ik:-ul-da DU r-uq'ʕ-ij.
 я:DAT N-хотеть-PRS-I я F-уходить-INF
 'Я хочу, чтобы (именно) я пошла'.

Предложение, аналогичное (17), но произнесенное с нейтральной интонацией, признается неграмматичным⁷:

- (18) *dam b-ik:-ul-da du r-uq'ʕ-ij.
 я:DAT N-хотеть-PRS-I я F-уходить-INF
 'Я хочу, чтобы я пошла'.

Возможности выражения субъекта инфинитивной клаузы при одновременно выраженном матричном субъекте в хуцуком языке сильно ограничены. В этой позиции грамматичными признаются только два типа именных групп: с одной стороны, как было показано выше, в этой позиции возможны личные местоимения 1 и 2 лица; с другой стороны, в качестве субъекта инфинитивной клаузы может выступать рефлексивно-логофорическое местоимение *sa-w* 'сам':

- (19) murad-li-j_i b-ik:-ul-de CINI-L_i kuʕga b-uc-ij.
 Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PST сам-ERG заяц N-хватать-INF
 'Мурад хотел сам поймать зайца'.

С синтаксической точки зрения инфинитивные конструкции с выраженным субъектом являются примером обязательного контроля (о грамматических различиях обязательного и необязательного контроля, см., например [Koster 1984; Manzini 1983; Lebeaux 1985]). Во-первых, инфинитивные клаузы не допускают разносубъектного использования:

⁶ Следует при этом отметить, что наиболее стандартной стратегией оформления разносубъектных конструкций при глаголе 'хотеть' в хуцуком и других даргинских языках является использование деспричастия:

- (i) dam b-ik:-ul-da rasul ag-ur-gi.
 я:DAT N-хотеть-PRS-I Расул уходить:PF-PST-CONV
 'Я хочу, чтобы Расул ушел'.

⁷ Интересно, что в большинстве случаев носители не осознают, что то же самое предложение, будучи произнесено с контрастивным ударением на субъекте зависимой клаузы, является грамматичным.

- (20) *dam b-ik:-ul-da rasul(-gina) uq'^f-ij.
 я:DAT N-хотеть-PRS-1 Расул-только (м)уходить-INF
 'Я хочу, чтобы Расул один пошел'.

Во-вторых, при эллипсисе инфинитивной клаузы допускается только нестрогая интерпретация сокращенного материала:

- (21) dam=ra b-ik:-ul-da du-gina r-uq'^f-ij, {at=ra b-ik:-ul-di
 я:DAT=ADD N-хотеть-PRS-1 я-только F-уходить-INF ты:DAT=ADD N-хотеть-PRS-2SG
 а. 'Я хочу сама / одна пойти, и ты тоже хочешь сама пойти'.
 б. *'Я хочу сама / одна пойти, и ты тоже хочешь, чтобы я пошла (сама / одна)'.

Наконец, субъект инфинитивной конструкции интерпретируется только *de se*, то есть использование данной конструкции предполагает, что субъект инфинитива осознает себя как потенциального субъекта желаемой ситуации.

3. ЧАСТИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ В ХУДУЦКОМ ЯЗЫКЕ: ДАННЫЕ

В хуцуцком языке глагол 'хотеть' допускает частичный контроль, то есть неполное совпадение субъектов главной и зависимой клауз. При этом инфинитивная клауза должна обязательно содержать указание на множественность субъекта (при единичном матричном субъекте). С одной стороны, данное условие соблюдается в том случае, если зависимый глагол подразумевает множественность субъекта, как в следующем примере (отметим здесь согласование зависимого глагола по классу с невыраженным множественным субъектом):

- (22) murad-li-j_i b-ik:-ul ca-b [Δ_i, gučič-ij saʔat x_{al}-le-b].
 Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PRS COP-N <NPL>собираться-INF час пять-IN-NPL
 'Мурад хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) собрались в пять часов'.

С другой стороны, множественный субъект может быть непосредственно выражен в инфинитивной клаузе:

- (23) murad-li-j_i b-ik:-ul ca-b [ca-b_i, b-uq'^f-ij].
 Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PRS COP-N сам-NPL NPL-уходить-INF
 'Мурад хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) ушли'.

Отсутствие выраженного субъекта при предикате, не подразумевающим обязательную множественность субъекта, делает предложение несколько менее приемлемым. Однако при наличии подходящего дискурсивного контекста такие предложения также вполне допустимы:

- (24) ?murad-li-j_i b-ik:-ul ca-b [Δ_i, b-uq'^f-ij].
 Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PRS COP-N NPL-уходить-INF
 'Мурад хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) ушли'.

Как и в случае полного контроля, частичный контроль с одновременно выраженными субъектами главной и зависимой клауз возможен только с местоимениями 1 и 2 лица и рефлексивно-логофорическим местоимением *ca-w*. Приведем полную парадигму частичного контроля в хуцуцком языке:

- (25) dam_i b-ik:-ul-da nus:a_i, d-uq'^f-ij.
 я:DAT N-хотеть-PRS-1 мы 1/2PL-уходить-INF
 'Я хочу, чтобы мы ушли'.
- (26) {at_i b-ik:-ul-di nus:a_i, d-uq'^f-ij.
 ты:DAT N-хотеть-PRS-2SG мы 1/2PL-уходить-INF
 'Ты хочешь, чтобы мы (включая тебя самого) ушли'.

- (27) $\{at_i$ $b-ik:-ul-di$ $\{u\dot{s}:a_{i+}$ $d-uq'^{-ij}$.
 ты:DAT N-хотеть-PRS-2SG вы 1/2PL-уходить-INF
 'Ты хочешь, чтобы вы ушли'.
- (28) $murad-li-j_i$ $b-ik:-ul$ $ca-b$ $nus:a_{i+}$ $d-uq'^{-ij}$.
 Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PRS COP-N мы 1/2PL-уходить-INF
 'Мурад хочет, чтобы мы (включая его самого) ушли'.
- (29) $murad-li-j_i$ $b-ik:-ul$ $ca-b$ $[ca-b_{i+}$ $b-uq'^{-ij}]$.
 Мурад-OBL-DAT N-хотеть-PRS COP-N сам-HPL HPL-уходить-INF
 'Мурад хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) ушли'.

Наличие выраженного субъекта в конструкции с частичным контролем не меняет синтаксическую природу конструкции: как и при полном контроле, она демонстрирует свойства обязательного контроля. В частности, обязательной является нестрогая интерпретация субъекта в элидированной зависимой клаузе:

- (30) $dam_i=ra$ $b-ik:-ul-da$ $nus:a_{i+}$ $d-uq'^{-ij}$. $murad-li-j=ra$
 я:DAT=ADD N-хотеть-PRS-1 мы 1/2PL-уходить-INF Мурад-OBL-DAT=ADD
 $b-ik:-ul$ $ca-b$.
 N-хотеть-PRS COP-N
 а. 'Я хочу, чтобы мы сами поехали, и Мурад тоже хочет сам поехать'.
 б. 'Я хочу, чтобы мы сами поехали, и Мурад тоже хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) сами поехали'.
 в. 'Я хочу, чтобы мы сами поехали, и Мурад тоже хочет, чтобы мы (включая самого Мурада) сами поехали'.
 д. *'Я хочу, чтобы мы сами поехали, и Мурад тоже хочет, чтобы мы (не включая самого Мурада) сами поехали'.

Как показывает этот пример, при эллипсисе инфинитивной клаузы допустимым является и полное связывание, при котором референция субъекта зависимого глагола полностью определяется субъектом матричного предиката (30а при полном контроле, 30б при частичном контроле), и частичное связывание, при котором субъект зависимого глагола имеет переменную часть, задаваемую субъектом главного глагола, и постоянную, референция которой не зависит от субъекта матричного предиката (например, включение говорящего, как в 30в).

Таким образом, инфинитивное дополнение при глаголе 'хотеть' в художком языке демонстрирует интересное сочетание синтаксических свойств. Во-первых, оно представляет собой конструкцию с обязательным контролем. Во-вторых, оно допускает одновременное выражение субъектов главной и зависимой клауз. В-третьих, оно допускает частичный контроль референции субъекта зависимого глагола. По отдельности эти свойства нередко встречаются в языках мира, ср. пример (3) на одновременное выражение субъектов главной и зависимой клауз в итальянском языке и пример (4), демонстрирующий грамматичность частичного контроля в английском языке. Нетривиальным в поведении инфинитивной конструкции в художком языке является возможность сочетания этих свойств в одном предложении. Тем самым в художком языке возможен **обязательный частичный контроль выраженного субъекта зависимой клаузы**, конструкция, которая ранее, насколько нам известно, не описывалась и не обсуждалась в научной литературе.

4. ЧАСТИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ В ХУДУЦКОМ ЯЗЫКЕ: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ

Описанная в предыдущем разделе возможность представляет значительный интерес как для типологии, так и для теоретического анализа обязательного контроля. Рассмотрим, как описанная художкая конструкция встраивается в представленные выше теории контроля.

При всем различии подходов как в концептуальном отношении, так и в отношении формального аппарата их объединяет одна существенная особенность, связанная с анализом частичного контроля: начиная с диссертации [Landau 1999], где факты частичного контроля впервые подверглись теоретическому осмыслению, все они рассматривают этот вид конструкций как семантический эффект, возникающий в контексте зависимого предиката с обязательной множественностью субъекта или наречий типа 'вместе'. Разные теории используют различные механизмы порождения этого эффекта, однако ни в одной из них, насколько нам известно, не ставится под сомнение его чисто семантическая природа.

В теории контроля как согласования субъект зависимой клаузы согласуется с субъектом матричного предиката по ряду признаков, в том числе по числу. Для объяснения эффекта частичного контроля, однако, вводится различие между синтаксическим и семантическим числом [Landau 1999: 63]. Предлагается считать, что релевантным для обязательного контроля является только синтаксическое число, наследуемое нулевым субъектом зависимой клаузы от субъекта главной клаузы. Семантическое число субъекта зависимой клаузы в свою очередь никак не зависит от субъекта главной клаузы: это всего лишь семантическая характеристика, выводимая из контекста. Если зависимая клауза содержит предикат, обязательно предполагающий множественность субъекта, например, 'расходиться', 'собираться' (в определенном месте), или же наречие со значением совместного действия, то для правильной интерпретации данного предиката (и в целом клаузы) его субъекту присваивается значение множественного семантического числа. Синтаксическое же число остается единственным, что позволяет установить отношение референциального контроля между субъектами главной и зависимой клаузы. Важно также отметить, что при частичном контроле, согласно [Landau 1999: 75], различие между субъектами клауз возможно только в отношении числа, тогда как лицо обязательно наследуется из главной клаузы в зависимую.

Похожие механизмы, опирающиеся на различие между синтаксическим и семантическим числом, предлагаются и в других теориях контроля. Не останавливаясь на них подробно, скажем лишь, что в теории контроля как передвижения частичный контроль объясняется либо за счет разрыва в синтаксической деривации, позволяющего субъекту зависимой клаузы при необходимости приписать независимое семантическое число исходя из контекста [Barrie, Pittman 2004], либо за счет прямого указания на возможность несовпадения семантического числа в семантической структуре матричного предиката [Hornstein 2003].

В статье [Barrie, Pittman 2004] деривация частичного контроля объясняется следующим образом. Некоторая именная группа вставляется в позицию субъекта зависимого глагола, который и приписывает ей определенную семантическую роль. Затем деривация продолжается и данная именная группа копируется в позицию субъекта главного предиката, который также приписывает ей семантическую роль. Результатом этой деривации является то, что разным копиям одной и той же именной группы приписаны различные семантические роли, что является нарушением θ -принципа («одной именной группе не может быть приписано более одной семантической роли»). Авторы данной статьи предлагают считать, что в такой ситуации порождаемая конструкция не становится неграмматичной и деривация не терпит неудачу благодаря специальному вспомогательному механизму расщепления деривационной цепи. Этот механизм вступает в действие при нарушении θ -принципа, расщепляя деривационную цепочку на две независимые части, так что копии одной именной группы становятся различными именными группами и способны нести каждая свою семантическую роль. Независимость именных групп после действия этого механизма позволяет им под влиянием контекста приобретать разные семантические характеристики, к которым относится и семантическое число.

В рамках подхода Н. Хорнстайна [Hornstein 2003], эксплицитно отвергающего θ -принцип и допускающего наличие двух семантических ролей у одной именной группы, одним из возможных решений признается введение в грамматику семантического постулата, который факультативно действует в контексте некоторых матричных пре-

дикатов и приписывает множественность субъекту зависимого глагола под влиянием семантических характеристик этого глагола или дискурсивного контекста⁸.

В рамках ЛФГ для объяснения частичного контроля также используется эксплицитное указание в семантической композиции матричного предиката на то, что контролер либо совпадает с контролируемым аргументом, либо входит в него в качестве подмножества [Asudeh 2005], либо же используется специальная аннотация функциональной структуры, указывающая на то, что синтаксические признаки субъекта главной клаузы являются подмножеством признаков субъекта зависимой клаузы (либо наоборот в конструкциях с обратным контролем) [Sells 2006].

Из этого непосредственно следует несколько теоретически значимых выводов. Во-первых, семантически ориентированный анализ частичного контроля, не предполагающий поверхностного выражения субъекта зависимой клаузы находится в очевидном противоречии с описанными выше данными художественного языка, где частично контролируемый субъект может быть фонетически выражен. Тем самым различие синтаксического и семантического числа, используемое во всех попытках объяснить это явление, оказывается бесполезным, по крайней мере, для художественного языка, а значит, не может претендовать на роль универсального параметра, ответственного за доступность такой грамматической опции как частичный контроль.

Второй вывод, непосредственно вытекающий из сопоставления имеющихся теоретических представлений с данными художественного языка, состоит в том, что при частичном контроле субъекты двух клауз могут различаться не только числом. Более того на основании приведенных выше примеров можно утверждать, что субъекты главной и зависимой клауз могут вообще не иметь никаких общих формальных признаков. Так, в примерах (25), (27) и (29) субъекты различаются числом (единственное или множественное), но не лицом (в обоих случаях 1 лицо). Примеры (26) и (28), однако, показывают, что совпадение субъектов по лицу не является обязательным: субъекты двух клауз в этих примерах различаются и по числу, и по лицу, не имея никаких общих признаков. Тем самым единственным условием грамматичности инфинитивной конструкции при глаголе 'хотеть' является семантическая информация о том, что субъект главной клаузы входит в множество референтов субъекта зависимой клаузы.

Последнее обстоятельство открывает еще одно уязвимое место в существующих теориях контроля. Анализ обязательного контроля в терминах копирования именной группы и последующего стирания «ненужных» копий с необходимостью предполагает полную идентичность копий. При чисто семантическом подходе к частичному контролю эта теория способна предложить какие-то варианты деривации, паллиативные по своей сути, но дающие нужный эффект неполной семантической идентичности двух копий. Однако физическое присутствие субъекта зависимой клаузы, не имеющего общих формальных признаков с субъектом главной клаузы и выраженного совершенно иной лексемой, вряд ли может быть объяснено удовлетворительным образом в рамках этой теории.

Подход к синтаксическому контролю как последовательности операций согласования также бессилен перед примерами типа (26) и (28), поскольку в рамках данного подхода считается, что субъект зависимой клаузы при помощи специфических формальных механизмов получает признаки (синтаксического) лица и числа от субъекта главной клаузы. Однако, как показывают примеры (26) и (28), субъект зависимой клаузы в общем случае не совпадает по лицу и числу с матричным субъектом⁹.

⁸ Ср.: «If “DP Vs [to VP]” then “DP Vs [DP and some contextually specified others to VP]”» [Hornstein 2003: 42–45].

⁹ Хотя синтаксический, а не чисто семантический характер лица и числа уже следует непосредственно из наличия соответствующего местоимения в зависимой клаузе, он подтверждается, в частности, и фактами согласования непереходного глагола с субъектом в подчиненном предложении. Так, например, в (28) зависимый глагол имеет согласовательный показатель именного класса, используемый только с субъектами 1 и 2 лица множественного числа, при том что матричный предикат имеет субъект 3 лица единственного числа.

Трудности этого подхода не ограничиваются невозможностью описать контроль в терминах перенесения признаков от одного субъекта к другому. Начиная с диссертации [Landau 1999] считается, что сама возможность частичного контроля (пусть даже в его семантическом понимании) возникает только у матричных предикатов, предполагающих временную (частичную) независимость событий, описываемых самим матричным предикатом и зависимым от него глаголом. Более конкретно, в случае инфинитивных дополнений речь идет о матричных предикатах, сентенциальные дополнения которых описывают событие, потенциальное по отношению к главному глаголу. Так, например, ситуации, зависящие от глаголов 'хотеть', 'просить', 'нравиться', имеют потенциальный характер и допускают частичный контроль. Ситуации же, описываемые глаголами 'заставить', 'забыть', 'мочь', 'начинать', не предполагают временного разрыва между событиями главной и зависимой клаузы, а значит, по мысли [Landau 1999], не допускают и частичного контроля¹⁰. Отсутствие обязательного совпадения временной референции главной и зависимой клаузы используется для технической реализации частичного контроля в рамках данного подхода. И здесь теория контроля как согласования снова наталкивается на эмпирические трудности, поскольку привязка частичного контроля к временной соотнесенности двух клауз не соответствует наблюдаемым фактам¹¹. Дело в том, что в художественном языке частичный контроль выраженного субъекта возможен, помимо глагола 'хотеть', также и с глаголом 'забывать':

- (31) dammi_j qumert-ur-da nus:a-gina₁₊ wac'a-c:i ʔa-d-uq^v-ij.
 я:DAT забывать:PF-PST-1 мы-только лес-INTER NEG-1/2PL-уходить:PF-INF
 ≈ 'Я забыл, что мы (например, дети) не должны ходить в лес одни'.

Глагол 'забывать' относится к предикатам, не допускающим различной временной референции событий в главной и зависимой клаузах. Тем не менее частичный контроль при этом глаголе в художественном языке не только возможен, но и проявляется непосредственно в фонетической реализации. Этот пример показывает, что временная референция зависимого предложения не играет определяющей роли в допустимости частичного контроля. Скорее, речь идет о семантической / прагматической приемлемости ситуации, в которой субъект забывания отличается от субъекта забываемой ситуации. Во многих случаях такое несовпадение оказывается неприемлемым, ср., например:

- (32) *dammi_j qumert-ur-da nus:a-gina₁₊ t'ul as:-ij.
 я:DAT забывать:PF-PST-1 мы-только хлеб брать:PF-INF
 подразумеваемая интерпретация: 'Я забыл, что мы сами должны купить хлеб'.

Предложение (31), однако, оказывается вполне допустимым в ситуации, в которой старший ребенок, присматривающий за другими детьми, забывает о том, что ему и детям, находящимся под его присмотром, родители запретили ходить в лес одним. Таким образом, на приемлемость частичного контроля при глаголе 'забывать' оказывает влияние то, насколько естественной является ответственность «забывающего» за действия других участников.

Обнаружение частичного контроля выраженного субъекта в художественном языке ставит вопрос о том, насколько это грамматическое явление распространено в языках мира. Этот вопрос, очевидно, не может быть решен без полномасштабного исследования контроля в представительной выборке языков. Отдельный интерес представляет изучение распространенности этого феномена в родственных языках нахско-дагестанской семьи. И типологическое, и внутрисемантическое исследование пока остается делом будущего.

¹⁰ Подробнее о семантических классах матричных предикатов, обязательно требующих полного контроля или же допускающих частичный контроль, см. [Landau 1999].

¹¹ Заметим, что скептические возражения относительно данной концепции уже высказывались ранее в [Bowers 2008] на материале английского языка.

В настоящее время можно лишь отметить, что частичный контроль выраженного субъекта был обнаружен нами в рамках предварительного обследования также в губденском и чирагском диалектах даргинского языка (далее, соответственно, губденский и чирагский языки)¹². Как и в хуццком языке, инфинитивное дополнение в губденском и чирагском используется для оформления зависимой клаузы при глаголе 'хотеть' только в случае совпадения субъектов главной и зависимой клаузы. Тем не менее предложения, в которых субъект глагола 'хотеть' является лишь одним из участников желаемой ситуации, вполне грамматичны. Приведем несколько примеров:

Чираг

- (33) *dami_i b-ik:-an-da nus:a-cuna_{i+} š:i-c:e cj.*
 я:DAT N-хотеть-PRS-1 мы:EXCL-только село-INTER уходить-INF
 'Я хочу, чтобы мы сами поехали в село'.
- (34) *gasul-li_i b-ik:-le čeži-jal_{i+} š:i-c:e ej.*
 Расул-DAT N-хотеть-PRS <HPL>сам:PL-только село-INTER уходить-INF
 'Расул хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) одни поехали в село'.

Губден

- (35) *gasul-i-s_i dig-u_{le} sa-j ču-ni-ʔal_{i+} jurt v-ar-es.*
 Расул-OBL-DAT хотеть-CONV COP-M сам:PL-ERG-только дом N-делать:PF-INF
 'Расул хочет, чтобы они (он и группа, в которую он входит) сами построили дом (например, он и члены его семьи построили дом без привлечения наемных работников)'.
- (36) *gasul-i-s_i dig-u_{le} sa-j nuša-ni-ʔal_{i+} jurt v-ar-es.*
 Расул-OBL-DAT хотеть-CONV COP-M мы-ERG-только дом N-делать:PF-INF
 'Расул хочет, чтобы мы (например, семья, членами которой являются Расул и я) сами построили дом (без привлечения наемных работников)'.
- (37) *nam_i dig-ul-ra nuša-ni-ʔal_{i+} jurt v-ar-es.*
 я:DAT хотеть-PRS-1SG мы-ERG-только дом N-делать:PF-INF
 'Я хочу, чтобы мы сами построили дом'.

Интересной особенностью губденского и чирагского языков является возможность частичного контроля выраженного субъекта в инфинитивном дополнении при глаголе 'начинать', конструкция невозможная в хуццком языке (при том что частичный контроль при глаголе 'забывать' в губденском и чирагском также допустим). Согласно классификации матричных предикатов, предложенной в [Landau 1999], фазовые глаголы относятся к глаголам, не допускающим частичного контроля субъекта зависимой клаузы [Landau 1999: 49–51]. Как мы уже указывали выше, общепринятое объяснение связывает (не)возможность частичного контроля с наличием или отсутствием отдельной временной референции матричного и зависимого предиката. Глагол 'начинать' в норме не предполагает разрыва во времени между началом действия и самим действием, поэтому не допускает и частичного контроля. Данные губденского и чирагского языков, однако, противоречат теоретическим предсказаниям, что еще раз (см. выше обсуждение глагола 'забывать' в хуццком языке) показывает типологическую неадекватность предложенных теоретических решений, ср. следующий пример из губденского:

- (38) *nu-ni_i v-añ<v>ak'-i-ra nuša-ni-ʔal_{i+} jurt v-ar-es.*
 я-ERG N-<N>начинать:PF-PST-1SG мы-ERG-только дом N-делать:PF-INF
 ≈ 'Я начал строительство дома, который мы сами будем строить'.

¹² Выражаю благодарность Магомед-Рагиму и Разият Мамацаевым за гостеприимство и помощь в исследовании чирагского языка, а также Мадине Курбановой, оказавшей неоценимую помощь в изучении ряда грамматических явлений в губденском языке.

Здесь необходимо сделать два пояснения. Во-первых, этот пример, вопреки ожиданиям, не предполагает обязательно временной разрыв между началом действия и его продолжением, хотя и не исключает его. Вместо этого подобные конструкции указывают на то, что начало некоторого совместного действия, в данном случае строительства, было осуществлено лишь одним из участников, остальные же участники были вовлечены в строительство позже. Таким образом, можно сделать вывод, что принципиальное противопоставление предикатов 'хотеть' и 'начинать', предполагаемое «временным» подходом к анализу частичного контроля, отсутствует.

Во-вторых, здесь следует привести контраргументы против возможного альтернативного анализа примеров типа (38). Как и во многих языках мира, в губденском языке инфинитив используется не только как одна из стратегий оформления сентенциального дополнения, но и для выражения обстоятельственного значения цели:

- (39) nu w-ak'-i-ra rasul-i-s kumek v-ar-es.
я м-приходить:PF-PST-1SG Расул-OBL-DAT помощь N-делать:PF-INF
'Я пришел помочь Расулу'.

Можно предположить, что инфинитивная клауза в конструкциях типа (34) на самом деле представляет собой обстоятельство, обозначающее нечто вроде «(я начал дом,) чтобы мы его построили», то есть при таком анализе предлагается считать, что абсолютный аргумент является объектом не зависимого, а матричного глагола.

Можно предъявить как минимум два аргумента против подобного анализа. С одной стороны, порядок слов, при котором объект линейно располагается между элементами зависимой клаузы (реализуя при этом в рамках зависимой клаузы классический порядок SOV), делает маловероятным, если не невозможным, его вхождение в матричную клаузу. С другой стороны, целевые конструкции в губденском языке не допускают частичного контроля выраженного субъекта зависимого предложения. Хотя целевая клауза и может обладать собственным выраженным субъектом, он должен обязательно полностью совпадать с субъектом главной клаузы:

- (40) rasul w-ak'-iv nam sune-ni-ʔal kumek v-ar-es.
Расул м-приходить:PF-PST я:DAT сам-ERG-только помощь N-делать:PF-INF
'Расул пришел сам мне помочь'.

- (41) *rasul w-ak'-iv nam ču-ni-ʔal kumek v-ar-es.
Расул м-приходить:PF-PST я:DAT сам:PL-ERG-только помощь N-делать:PF-INF
'Расул пришел, чтобы они (Расул и группа, в которую он входит) сами мне помогли'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в настоящей статье мы рассмотрели функционирование инфинитивного дополнения при глаголе 'хотеть' в хуцуком диалекте даргинского языка, представляющего собой неизвестный до настоящего времени вид обязательного контроля – частичный контроль выраженного субъекта. Кроме того, такая конструкция оказывается допустимой и при некоторых других матричных глаголах с инфинитивным дополнением, а также обнаруживается в ряде других (сильно различающихся между собой) диалектов даргинского языка. Наличие такой конструкции оказывается значительной проблемой, предложить готовое решение которой, как мы показали, не в состоянии ни один из разработанных в теоретическом синтаксисе подходов. Наиболее важными для понимания природы невыраженного субъекта инфинитивной клаузы оказываются предложения, где субъекты двух клауз не имеют общих синтаксических признаков лица и числа, как в примерах (26) и (28) выше. Они демонстрируют, что в общем случае лицо/число субъекта зависимой клаузы формально никак не связано с лицом/числом субъекта матричного предиката, что компрометирует базовое направление в современных подходах к синтаксису контроля: выделение в конструкции одного полноценного аргумента и

передача его референциальных признаков другому аргументу посредством синтаксических механизмов. Таким образом, оказываются невозможными ни взгляд на субъект зависимой клаузы как на референциально дефектный языковой элемент, наследующий синтаксические признаки субъекта главной клаузы, ни представление о том, что субъект матричного глагола является результатом копирования субъекта зависимой клаузы.

В заключение отметим, что обнаружение подобной конструкции в одном из диалектов даргинского языка делает необходимым дальнейшее изучение синтаксиса инфинитивных конструкций в диалектах даргинского языка и, шире, вообще в нахско-дагестанских языках. Значительный интерес представляет также общая типология конструкций с контролем референции выраженного субъекта зависимой клаузы и поиски приемлемых теоретических решений, адекватно отражающих наблюдаемое межъязыковое варьирование.

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2 – 1, 2 лицо	IPF – основа несовершенного вида
1/2PL – именной класс локуторов	M – мужской именной класс
множественного числа	N – неодушевленный именной класс
ADD – аддитивная частица ‘и, тоже’	NEG – отрицание
CONV – дспричастие	OBL – косвенная основа при именном словоизменении
COP – глагол-связка	PAST.EVID – засвидетельствованное прошедшее время
DAT – датив	PF – основа совершенного вида
ERG – эргатив	PL – множественное число
F – женский именной класс	PRS – настоящее время
HPL – одушевленный именной класс во множественном числе	PST – прошедшее время
IN – нахождение в полном ориентире	SG – единственное число
INF – инфинитив	SUBJ – конъюнктив
INTER – нахождение в массе или совокупности однородных ориентиров	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Коряков 2006 – Ю.Б. Коряков. Атлас кавказских языков. М., 2006.
- Сердобольская 2009 – Н.В. Сердобольская. Обратный контроль в свете принципов теории связывания (на материале кункинского варианта даргинского языка) // Н.Н. Казанский (ред.). Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2009.
- Asudeh 2005 – A. Asudeh. Control and semantic resource sensitivity // *Journal of linguistics*. V. 41. 2005. № 3.
- Barrie, Pittman 2004 – M. Barrie, C. Pittman. Partial control and the movement towards movement // *Toronto working papers in linguistics*. V. 22. 2004.
- Boeckx, Hornstein 2006 – C. Boeckx, N. Hornstein. Control in Icelandic and theories of control // *LIn*. V. 37. 2006. № 1.
- Bowers 2008 – J. Bowers. On reducing control to movement // *Syntax*. V. 11. 2008.
- Bresnan 1982 – J. Bresnan. Control and complementation // *LIn*. V. 13. 1982. № 3.
- Comrie, van den Berg 2006 – B. Comrie, H. van den Berg. Experiencer constructions in Daghestanian languages // I. Bornkessel, M. Schlesewsky, B. Comrie, A.D. Friederici (eds.). *Semantic role universals and argument linking: Theoretical, typological, and psycholinguistic perspectives*. Berlin; New York, 2006.
- Chomsky 1995 – N. Chomsky. *The minimalist program*. Cambridge (Mass.), 1995.
- Chomsky 2000 – N. Chomsky. *Minimalist inquiries: The framework* // R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Cambridge (MA), 2000.
- Culicover, Jackendoff 2005 – P. Culicover, R. Jackendoff. Control is not movement // *LIn*. V. 32. 2005. № 3.

- Dalrymple 2001 – *M. Dalrymple*. Lexical functional grammar. New York, 2001.
- Farrell 1995 – *P. Farrell*. Backward control in Brazilian Portuguese // J.M. Fuller, H. Han, D. Parkinson (eds.). Proceedings of the Eleventh eastern states conference on linguistics. Ithaca; New York, 1995.
- Ganenkov 2006 – *D. Ganenkov*. Experiencer coding in Nakh-Daghestanian // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). Case, valency and transitivity. Amsterdam, 2006.
- Hornstein 1999 – *N. Hornstein*. Movement and control // LIn. V. 30. 1999. № 1.
- Hornstein 2001 – *N. Hornstein*. Move! A minimalist theory of construal. Oxford, 2001.
- Hornstein 2003 – *N. Hornstein*. On control // R. Hendrick (ed.). Minimalist syntax. Oxford, 2003.
- Hornstein, Polinsky 2010 – *N. Hornstein, M. Polinsky* (eds.). Movement theory of control. Amsterdam, 2010.
- Koster 1984 – *J. Koster*. On binding and control // LIn. V. 15. 1984. № 3.
- Landau 1999 – *I. Landau*. Elements of control. MIT dissertation. Cambridge (Mass.), 1999.
- Landau 2000 – *I. Landau*. Elements of control: Structure and meaning in infinitival constructions. Dordrecht, 2000.
- Landau 2001 – *I. Landau*. Control and extraposition: The case of super-equi // Natural language and linguistic theory. V. 19. 2001. № 1.
- Landau 2003 – *I. Landau*. Movement out of control // LIn. V. 34. 2003. № 3.
- Landau 2004 – *I. Landau*. The scale of finiteness and the calculus of control // Natural language and linguistic theory. V. 22. 2004. № 4.
- Landau 2006 – *I. Landau*. Severing the distribution of PRO from case // Syntax. V. 9. 2006.
- Landau 2007 – *I. Landau*. Movement-resistant aspects of control // W.D. Davies, S. Dubinsky (eds.). New horizons in the analysis of control and raising. Dordrecht, 2007.
- Landau 2008 – *I. Landau*. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian // Natural language and linguistic theory. V. 26. 2008. № 4.
- Landau 2010 – *I. Landau*. The explicit syntax of implicit arguments // LIn. V. 41. 2010. № 3.
- Lebeaux 1985 – *D. Lebeaux*. Locality and anaphoric binding // The linguistic review. V. 4. 1985. № 4.
- Manzini 1983 – *M.R. Manzini*. On control and control theory // LIn. V. 14. 1983. № 3.
- Polinsky, Potsdam 2002 – *M. Polinsky, E. Potsdam*. Backward control // LIn. V. 33. 2002. № 2.
- Polinsky, Potsdam 2006 – *M. Polinsky, E. Potsdam*. Expanding the scope of control and raising // Syntax. V. 9. 2006. № 2.
- Serdobolskaya 2010 – *N. Serdobolskaya*. Backward control in connection with the principles of the Binding theory (based on the data of Qunqi Dargwa) // Интернет-публикация: http://www.ddl.ish-lyon.cnrs.fr/colloques/SWL_IV/pageweb/pdf/book%20of%20abstracts_4_16sept_DC.pdf. 2010.
- Szabolcsi 2005 – *A. Szabolcsi*. Overt infinitival subjects (if that's what they are...) // H. Broekhuis (ed.). Organizing grammar. Festschrift for Henk van Riemsdijk. Berlin, 2005.
- Szabolcsi 2009 – *A. Szabolcsi*. Overt nominative subjects in infinitival complements cross-linguistically // New York University working papers in linguistics. V. 2. 2009.
- Sag, Pollard 1991 – *I. Sag, C. Pollard*. An integrated theory of complement control // Lg. V. 67. 1991. № 1.
- Sells 2006 – *P. Sells*. Backward and forward control and raising in LFG via subsumption // M. Butt, T. King (eds.). Proceedings of LFG-06. Online Proceedings. 2006.
- Williams 1980 – *E. Williams*. Predication // LIn. V. 11. 1980. № 1.
- Wurmbrand 2001 – *S. Wurmbrand*. Infinitives: Restructuring and clause structure. Berlin, 2001.
- Wurmbrand 2004 – *S. Wurmbrand*. Two types of restructuring – Lexical vs. functional // Lingua. V. 114. 2004. № 8.

Сведения об авторе:

Дмитрий Сергеевич Ганенков
Институт языкознания РАН
d.ganenkov@gmail.com